

АВВАКУМ

Послание царю Алексею Михайловичу

<Фрагмент>

От высочайшая устроенному десницы, благочестивому государю, царю-свету Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, радоватися. Грешник, протопоп Аввакум Петров, припадая, глаголю тебе, свету, надеже нашей.

Государь наш свет! Что ти возглаголю, яко от гроба возстав, от дального заключения, от радости великия обливаясь многими слезами? Свое ли смертоносное житие возвещу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?

Я чаял, живучи на востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве бытии¹; а я ныне увидал церковь паче и прежняго смущенну. Свет наш государь, благочестивый царь! Златаустый² пишет на Послание к ефесеом: «Ничто же тако раскол творит во церквах, яко же во властех любоначалие, и ничто же тако прогневает бога, яко же раздор церковной». Воистинно, государь, смущенна церковь ныне.

Летом, в Преображениев день, чюдо преславно и ужасу достойно в Тобольске³ показал бог: в соборной большой церкви служил литоргию ключарь тоя церкви Иван, Михайлов сын, с протодьяконом Мефодием; и егда возгласиша: «Двери, двери мудростию воннем!» — тогда у священника со главы взяся воздух⁴ и повергло на землю; и егда «Исповедание веры» начали говорить, и в то время звезда на дискосе над агнцем на все четыре поставления преступала и до возглашения «Победныя песни»; и егда приспе время протодьякону к дискосу⁵ притыкати, приподнялася мало и стала на своем месте на дискосе просто. А служба у них в церкви по новым *Служебникам*⁶ по приказу архиепископлю. И мне, государь, мнится, яко и тварь рыдает, своего владыку видя безчестна, яко неистинна глаголют духа святаго быти и Христа, сына божия, на небеси не царя быти⁷ — во исповедании своя веры.

Да не одно, государь, то, но и моровое поветрие не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянской меч стоит десять лет безпрестани⁸, отнеле же разадрал он церковь. Добро было при протопопе Стефане⁹, яко все быша тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и негордаго учения: понеже не губил Стефан никого до смерти, яко же Никон, ниже поощрял на убиение. Тебе, свету, самому житие ево вестно. Увы, души моей бедной! Лучши бы мне в пустыни Даурской¹⁰, со зверьми живучи, конец прияти, нежели ныне слышу во церквах Христа моего глаголюща невоскресша!

Вем, яко скорбно тебе, государю, от докуки нашей. Государь-свет, православной царь! Не сладко и нам, егда¹¹ ребра наша ломают и, развязав, нас кнутъем мучат и томят на морозе голодом. А все церкви ради божия стражем. Изволиш, государь, з долготерпением послушать, и я тебе, свету, о своих бедах и напастех возведу немного.

Егда я был в попех в Нижегородском уезде, ради церкви божия был удавлен¹² и три часа лежал, яко бездушен, руки мои и ноги были избиты, и имение мое не в одну пору бысть в разграблении. И сие мне, яко уметы*, да Христа моего приобретаю.

И егда устроил мя бог протопопом в Юрьевце Повольском, бить ослопием** и топтан злых человек ногами, и дран за власы руками: отнял меня Дионис Крюков еле жива. И о сем молихся, да простит им бог zde и в будущем веце.

А Никон меня, патриарх бывшей, на Москве, по ногам бив, мучил недели с три по вся дни, от первого часа до девятого. И о сих всех благодарю бога.

Да он же, Никон, егда мя взял от всенощнаго з двора протопопа Иоанна Неронова¹³, по ево патриархову веленью, Борис Нелединской со стрелцами, ризы на мне изодрали и святое Евангелие, с налоя збив, затоптали; и посадя на телегу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили. И уш то, государь, так попустил бог им.

И потом во Андроньеве монастыре посадил под полату пустую в землю, и три дни и три ноци на чеши держал без пищи. И о сих всех благодарю, государь, бога. Прости, государь, тут мне пищу принесе аньгел за молитв святаго отца протопопа Стефана. Не скучно ли тебе, государю-свету?

И сибирския беды хочу вспомянути, колико во одиннатцеть лет на хрепте моем делаша язв беззаконнии за имя Христово. Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, да не буду безумен, истинну бо, по апостолу, реку. Яко ты, наш государь, благочестивый

* Сор, прах.

** Кольями.

царь, а мы твои богомольцы: некому нам возвещать, како строится во твоей державе.

Егда патриарх бывшей, Никон, послал меня в смертоносное место, в Дауры, тогда на пути постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками, и з главы волосы мои одрал, и по хрепту моему бил чеканом, и седмдесят два удара кнутом по той же спине, и скована в тюрьме держал пять недель, тритцеть и седм недел морозил на морозе, чрез день дая пищу, и два лета против воды заставил меня тянуть лямку. От водяного наводнения и от зноби осенняя распух живот мой и ноги, и от пухоты разседалася на ногах моих кожа, и кровь течаше безпрестанно.

А инии, твои государевы-световы, казаки, тружajúщиися в водах, в то время многие помирали от тоя воеводския налоги и муки.

И как мы дошли до места, тамо нас и совершенное зло постигло, ел я с казаками не по естеству пищу: вербу и сосну, и траву и коренье, и мертвья мяса зверины, а по напраснству и по прилучаю* — и кобылие. И тово было ядения шесть лет. А казаки бедные — всякую мертвечину, иные — волки и лисицы, иные — человеческую лайну¹⁴. И от тое нужды человек с пятьсот померло, а осталос немного, — человек ныне с сорок. А иных он, воевода Афонасей Пашков¹⁵, пережег огнем и перебил кнутьем до смерти, яко же и меня мучил. А что, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запас хлепча на предыдущая лета, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял после кнутнова биения и продавал мне на платишко мое и на книги свою рожь немолотую дорогою ценою, по два рубли пуд вещей и больши. И я ис первых лет ел рожь немолотую вареную, покамест чево было. А он, Афонасей, и до съезду жил в покое, потому, государь, что завезено у него всего было много казачьими трудами.

У меня же, грешника, в той нужде умерли два сына, не могли претерпеть тоя гладных нужды. А прочих, государь, детей моих снабдевала от смерти жена ево, Афонасьева, и другая — сноха ево — втайне; егда от нас кто начнет з голоду умирати, тогда присылали нужную пищу, понеже жены милостивы быша, яко древняя серафтянины.

И не то, государь-свет, надежда наша, едино, но в десеть лет много тово было: беды в реках, и в мори, и потопление ми многое было. Первое с челядию своею гладей, потом без обуви и без одежды, яко во иное время берестами вместо одеяния одевался, и по гарам великим каменным босы ходяще, нужную пищу собираху от травы

* В тяготах, если приходилось.

и корения, яко дивии звери. Иногда младенцы мои о острое камение ноги свои до крови розбиваху, и сердце мое зле уязвляху, рыдающе горькими слезами. А во иное время сам и подружие мое¹⁶ шесть недель шли по голому льду, убивающесея о лед, волокли на волоченьках¹⁷ малых детей своих в пустых Даурских местех, мерзли все на морозе.

И о сих всех, государь-свет, благодарим бога, яко первые мы в тех странах з женою моею и детми учинились от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылке. Упоил нас чашею вина не растворенна. Да не поставит ему бог в грех здесь и в будущем веце!

Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну! А близ исход души моей, чаю, понеже время належит.

То не отеческой у патриарха вымысл, но древняго отступника Иулияна, и египтеина Феофила, патриарха Александра града¹⁸, и прочих еретик и убийц, яко христиан погубляти. Мне мнится, и дух пытливой таков же Никон имать, яко и Феофил, понеже всех устрашает. Многие ево боятся, а протопоп Аввакум, уповая на бога, ево не боится! Твоя, государева-светова, воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить; за помощию божиею готов и дух свой предати. Аще не ныне, умрем же всяко и житию должная послужим; смерть мужу покой есть; смерть греху опона*.

А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хочет. И во откровении ми от бога бысть се, яко мерзок он пред богом, Никон. Аще и льстит тебе, государю-свету, яко Арий древнему Константину¹⁹, но погубил твои в Руси все государевы люди душею и телом, и хотящие ево законы новыя прияти на страшном суде будут слыть никонияня, яко древнии ариана. Христа он, Никон, не исповедует в плоть пришедша; Христа не исповедует ныне царя быти, и воскресение ево, яко иудеи, скрывает; он же глаголет неистинна духа святаго, и сложение креста в перстех разрушает, и истинное метание в поклонех отсекает²⁰; и многих ересей люди божия и твоя наполнил; инде напечатано: «Духу лукавому молимся». Ох, души моей и горе!

Говорить много не смею, тебя бы, света, не опечалить, а время отложить служебники новыи и все ево, Никоновы, затейки дурныи! Воистинно, государь, заблудил во всем, яко Фармос древней²¹. Потщися, государь, исторгнута злое ево и пагубное учение, дондеже конечная погуба на нас не придет, и огонь с небесе, или мор древний, прочая злая нас не постигло. А егда сие злое корение исторгнем,

* Преграда.

тогда нам будет вся благая: и кротко, и тихо все царство твое будет, яко и прежде Никонова патриаршества было; и агарянской меч бог оставит и сподобит нас получитьи вечная благая.

О патриархе престану, государь, тебе, свету, извецати, но молю тебя, государя, о воеводе, которой был с нами в Даурах, Афонасей Пашков, — спаси ево душу, яко же ты, государь, веси. А время ему и пострищись, да же впредь не губить, на воеводствах живучи, христианства. Ей, государь, не помнит бога: или поп, наш брат, или инок, — всех равно губит и мучит, огнем жжет и погубляет. Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мѣстити. И паки тебе государю, припадая глаголю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мстити! Не должны суть чадо родителем имения снискати; но собирают родители чадом. Аще и стропотное*, но мое он чадо, Афонасей Пашков, — и чадо мое, и брат мне по благодати: едина купел всех нас породила, едина мати всем нам церковь, един покров — небо, едино светило — солнце. Аще и досаждают, но любовию их нам приимати.

Помилуй, государь царь православной, не оскорби** бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мстити своим праведным гневом царским; но взыщи ево, яко Христос заблуждшее овча, Адама. Твое бо, света, миловати и спасати всегда, и ныне, и присно, и до кончины.

Свет-государь! Пред человеки не могу тебе ничтоже проговорити, но желаю наедине светлоносное лице твое зрети и священнолепных уст твоих глагол некий слышати мне на пользу, как мне жити.

* Строптивое.

** Не опечаль.